

След на стене

Николай Барайщук

След на стене

<https://litres.ru/74140368>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ с непредсказуемым разворотом событий в духе Томаса Лиготти, где главный герой встречается лицом к лицу со своим страхом темноты.

Николай Барайщук

След на стене

След на стене

I. Геометрия дачного упадка

Я всегда утверждал, что у каждого пространства есть свой предел прочности, за которым начинается чистая бутафория. Но мало какое место демонстрирует этот износ реальности так откровенно, как подмосковный дачный кооператив во второй половине октября.

СНТ «Вечность» строилось в конце восьмидесятых годов прошлого века, когда у людей ещё теплилась странная, почти трогательная вера в ценность шести соток земли, огороженных ржавой рабицей. Теперь эта вера сгнила вместе с основаниями фанерных домиков. К середине осени поселок пустеет полностью. Жизнь уходит отсюда, как вода из дырявого ведра, оставляя лишь покосившиеся заборы, затянутые помутневшим полиэтиленом теплицы, похожие на братские могилы неведомых существ, и яблони, чьи несобранные плоды лопаются на холодной земле, испуская приторный, алкогольный запах гниения.

Я приехал сюда три недели назад. Мой выбор не был продиктован поиском уединения ради творчества или отдыха; это было скорее бегство от слишком плотной, слишком шумной городской реальности, которая в последнее время стала казаться мне невыносимо фальшивой. Не то чтобы мне надоела какая-то пафосная брэнность бытия, но какое-то чувство неудовлетворённости существованием всё же влияло на мой разум и восприятие действительности. Но здесь, среди пустых улиц, я обнаружил, что попал в другую ловушку.

Я панически, до судорог в желудке, боюсь темноты.

Этот страх не имеет ничего общего с детскими фантазиями о чудовищах под кроватью или грабителях, прячущихся за углом. Моя никтофобия носит чисто метафизический характер. Когда гаснет солнце, мир вокруг меня теряет свои жёсткие контуры. Он размягчается, превращаясь в бесформенную, липкую массу, в которой может зародиться всё что угодно — и в первую очередь то, чему нет названия в человеческом языке. Темнота для меня — это не просто отсутствие света; это агрессивная среда, которая медленно растворяет границы моего тела. Стоит мне оказаться в темной комнате, как мне начинает казаться, что мои пальцы удлиняются, лицо теряет свои черты, превращаясь в гладкий овал, а внутри грудной клетки вместо сердца начинает шелестеть сухая трава.

И всё же — и в этом заключается мое самое постыдное, самое мучительное противоречие — каждую ночь, ровно в час, я выключаю тусклую лампу на веранде и выхожу в эту темноту.

Почему? Потому что свет в моем доме стал моим личным адским кругом. При зажжённой лампе я вижу себя в зеркале. Я вижу свои бледные щёки, свои усталые глаза, старый деревянный комод за моей спиной, чашку с недопитым чаем... И вся эта сцена кажется мне настолько плоской, настолько фальшивой, словно я — плохо раскрашенная картонная фигурка, выставленная на сцене никому не нужного сельского дома культуры. Свет подчеркивает бутафорский характер моего существования. Он кричит мне о том, что я — лишь кукла, которую кто-то забыл убрать в ящик после спектакля.

Но там, в темноте заросших улиц СНТ, эта ложь исчезает. Во тьме я не вижу своих рук. Я не вижу “картонных” стен своего дома. Да, я дрожу от страха, каждый мой вдох дается мне с трудом, а сердце бьется на пределе возможностей, но этот ужас — горячий, острый, пульсирующий — является единственным доказательством того, что я ещё здесь. Что я ещё хоть что-то чувствую. Я добровольно иду на свидание с бездной, чтобы просто убедиться, что я ещё могу хотя-бы страдать.

II. Шорох

Мой маршрут всегда одинаков. Я выхожу за калитку своего участка № 93, поворачиваю направо и медленно иду по четвёртой линии к окраине кооператива, туда, где заброшенные участки граничат с заболоченным лесом.

В эту ночь воздух был особенно холодным. Он пах мокрой хвоей и тем специфическим, металлическим запахом, который предшествует первым заморозкам. Луны не было; небо затянуло плотными, низкими тучами, которые казались продолжением черных крон деревьев.

Я шёл, нащупывая подошвами калош неровности грунтовой дороги. Каждый шаг отзывался в моей голове глухим эхом. Вокруг царила мёртвая тишина, нарушаемая лишь редким, сухим похрустыванием веток под тяжестью собственного веса.

Примерно через десять минут прогулки я впервые услышал это.

Сзади, в густых зарослях сухого бурьяна и полыни, росших вдоль забора участка № 50, раздался шорох. Он был тихим, но совершенно отчётливым. Это не был шаг человека

— слишком тяжёлый и ритмичный. Это не был бег мелкого животного — слишком хаотичный и быстрый. Звук напоминал... волочение. Словно по земле медленно, с трудом тащили что-то мягкое, объёмное и абсолютно сухое. Как будто кто-то волок за собой огромный мешок, набитый прошлогодними листьями или сухой травой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.